

Договор в Труа глазами авторов французской пропагандистской литературы первой половины XV в.

Цель статьи – на примере антианглийских трактатов и памфлетов первой половины XV в. показать, как воспринимали договор в Труа (1420 г.) современники событий, и как стремление оспорить династические требования короля Англии способствовало развитию идеи публично-правовой основы королевской власти.

Ключевые слова: Столетняя война, договор в Труа, антианглийская пропаганда, королевская власть.

Одной из тем, широко обсуждаемой российскими и зарубежными исследователями в контексте истории западноевропейских государств первой половины XV в., является тема договора в Труа, который был подписан 21 мая 1420 г. между королями Англии и Франции, Генрихом V и Карлом VI, и который подготовил создание объединенного англо-французского королевства под эгидой династии Ланкастеров в лице Генриха V и его детей от брака с французской принцессой Екатериной, дочерью Карла VI¹.

Возникшая вследствие договора в Труа «двуединая монархия» оказалась непрочным эфемерным образованием, что определила целая совокупность объективных и субъективных факторов. В англоязычной историографии высказывалось мнение об ограниченности финансовых ресурсов Англии², французские и российские авторы предлагали искать причины краха «союза двух корон» в уровне развития государственности и степени зрелости национально-патриотического сознания в Англии и Франции³.

В связи с тем что данный сюжет вызывает чрезвычайно оживленную дискуссию в историографии, было бы интересно проследить,

как относились к договору в Труа его современники. Наиболее полно этот вопрос отражен во французской пропагандистской литературе первой половины XV в., а именно в сочинениях, которые примыкают к разряду «военной пропаганды». Эти произведения были созданы в условиях и по поводу франко-английского противостояния. Они отличаются заметным полемическим характером и яркой антианглийской направленностью. Общей их целью является демонстрация незаконности английских претензий на корону Франции и территории королевства, а также утверждение представления о «правильности» и «справедливости» французского народа и его действий.

Из данной группы сочинений нами использовались четыре анонимных трактата – «Споры и соглашения»⁴, «По прошествии двух лет»⁵, «Ответ доброго и истинного француза народу Франции всех сословий»⁶ и «Истина все побеждает»⁷; произведения Жана Жувенала дез Юрсена «Внемлите, небеса»⁸ и «Краткий трактат о войне Франции против англичан»⁹; сочинения Жана де Монтрейя «Ко всему рыцарству»¹⁰ и «Трактат против англичан»¹¹, а также «Обвинительный диалог» Алена Шартье¹², который не относится к собственно военной пропаганде, но вся суть которого также подчинена идее спасения Франции.

Все эти авторы так или иначе касаются темы договора в Труа. Более того, через доказательство его недействительности полемисты выходят на вопросы, связанные с пониманием «королевского достоинства», нетождественности личности конкретного монарха, восприятием королевской власти как общественного служения, идеей неотчуждаемости домена и короны, детализацией прав и обязанностей, которые она налагает на монарха. При этом необходимо учитывать специфику такого вида литературы, как антианглийская пропаганда. Вне зависимости от степени ее реального распространения и влияния, она, несомненно, создавала определенную атмосферу в обществе. И с этой точки зрения ее вполне можно считать одним из факторов эфемерности идеи «двойной монархии».

Приступая к анализу договора в Труа, свою цель полемисты видят в том, чтобы, по словам дез Юрсена, выявить «подлинную» сущность предлагаемого королем Англии мира¹³ и продемонстрировать его «несправедливость» и «незаконность», поскольку от лица французской стороны он был подписан «по принуждению» (Карла VI насильно удерживали в Труа), к тому же душевнобольным королем, который страдал расстройством рассудка и был объективно неспособен ориентироваться в таких сложных вопросах, как порядок престолонаследия во Франции и передача прав на

французскую корону. Указание на физическое состояние короля Франции и его положение пленника у англичан присутствует в качестве неотъемлемого элемента во всех произведениях, касающихся этого соглашения, приобретая по сути характер штампа¹⁴.

Обоснованием недействительности договора в Труа, с точки зрения полемистов, служит также отсутствие у Генриха V прав на Французское королевство. Авторы пишут о «несправедливой узурпации» и «тираническом могуществе» Генриха, имея в виду, что передача короны и королевства Франция англичанам, согласно условиям этого мира, осуществляется через тиранию, поскольку в договоре нет никакого упоминания ни о 12 пэрах, ни о Парижском парламенте, ни о Генеральных штатах, тогда как «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми»¹⁵.

Единственным законным наследником короля Франции и истинным суверенным сеньором всех его подданных, по единодушному мнению полемистов, является дофин Карл¹⁶. Отстаивая его права на французский престол, авторы прибегают к доводам самого различного характера. Прежде всего, они обращаются к божественному закону. Так, создатель “Réponse d’un bon et loyal François”, отказывая Генриху V в возможности быть регентом королевства, пишет: «Поскольку король (Карл VI. – В. Б.) ...публично мертв и совершенно не подходит для того, чтобы править, единственный сын в подходящем возрасте, мудрый и доблестный, должен, согласно божественному и человеческому праву, управлять королевством вместо своего отца, ибо сказано, “если сын, то и наследник, который и является господином для всех”»¹⁷. Та же мысль встречается у автора памфлета “Super omnia vincit veritas”: «Господин дофин есть и, по правде сказать, должен (считаться. – В. Б.) господином Французского королевства, поскольку он единственный сын короля и его законный наследник, ведь, согласно апостолу, “если сын, то и наследник”... наследник, даже малолетний и живущий при опекуне, тем не менее является господином всего»¹⁸. Жан Жувеналь дез Юрсен, в свою очередь, также отмечает: «и говорит Апостол: “сын является наследником через Бога”. Так как названный король Карл – сын, поэтому он и наследник»¹⁹.

В доказательство легитимности наследственных прав дофина Карла полемисты апеллируют к римскому праву. Ссылаясь на Дигесты 28.2.11, дез Юрсен утверждает: «Что касается сына, совершенно ясно, как гласит закон In suis, что уже при жизни отца он рассматривается и считается господином»²⁰.

В поисках аргументов, способных защитить «дело» Карла VII, авторы пропагандистских сочинений опираются на обычай. Так,

согласно выражению анонимного создателя «Истина все побеждает», «по праву и по принятому обычаю королевства, который является законом, наследовать королевство должен сын короля или ближайший родственник королевской крови по мужской линии»²¹. Автор трактата «Споры и соглашения» со ссылкой на некий эдикт, который «был принят королем Франции после долгого обсуждения и с согласия всех в названном королевстве так давно, что никто не помнит обратного», заявляет, что «корона может переходить только к наследникам мужского пола, принадлежащим к прямой либо боковой ветви, и никак иначе»²². С ними соглашается Жан Жювенель, утверждая, что «в отношении короны и королевства необходимы наследники мужского пола по крови»²³. «И тот, кто хочет взять и посмотреть хроники Франции и Англии и все другие, совсем не найдет там того, чтобы в этом королевстве (Французском. – В. Б.) охраняли и соблюдали противоположное»²⁴.

Наконец, полемисты используют то, что анонимный создатель «Ответа доброго и истинного француза» назвал «человеческим правом», в соответствии с которым любящие родители не лишают наследства своих детей²⁵.

Таким образом, вместе с правом дофина наследовать королевство после смерти отца, полемисты в равной степени отстаивают идею того, что он должен считаться полноправным соправителем монарха уже при жизни последнего. Особенно актуальной эта мысль выглядела в контексте претензий, выдвинутых на регентство при душевнобольном Карле VI со стороны короля Англии Генриха V Ланкастера. Создатель памфлета «*Super omnia vincit veritas*» так прямо и заявляет, что это именно дофин Карл является «истинным регентом для всех вассалов и подданных королевства»²⁶, а в «*Repons d'un bon et loyal François*» утверждается, что «монсеньор дофин – регент королевства по праву и разуму»²⁷.

Признавая за дофином Карлом законное право наследования французским престолом, авторы обращаются к проблеме невозможности для короля распоряжаться короной по своему собственному усмотрению и совершать действия, которые могли бы ей навредить. Создатель «Ответа доброго и истинного француза» в этой связи отмечает, что даже если бы король Карл VI подписывал этот договор по собственной воле, «он все равно не обладает таким могуществом и властью по отношению к королевству и короне, чтобы самому передавать их к своему ущербу, ущербу всех представителей рода лилий и всего королевства»²⁸. В анонимном памфлете «Истина все побеждает» говорится, что «король не может по своей собственной воле законным образом постановить что-либо, что

идет вразрез этому закону»²⁹. Жан Жувеналь дез Юрсен соглашается: «Кем бы ни был король, он не может наносить вред своему наследнику и преемнику, отчуждать или передавать королевство в другие руки кроме того, кому оно должно перейти по наследованию, и... если он имеет сына, он не может его лишить наследства и сделать так, чтобы он не владел королевством после него»³⁰.

Таким образом, вопрос отстранения от престолонаследия сына, по мнению создателей антианглийской пропагандистской литературы, лежит вне компетенции самого правящего короля. Обоснованием данного утверждения в их сочинениях выступает идея того, что монарх есть лишь пользователь, а не владелец короны, и управляющий королевством, а не его собственник. «Прямо говоря, – замечает Дез Юрсен, – у короля есть лишь способ управления и пользования (королевством. – В. Б.) и только в течение своей жизни»³¹. Корона – это константа, величина постоянная, которая не зависит от личности того, кто в данный момент находится у власти. Корона – не частное имущество, поэтому она не принадлежит конкретному монарху. Это не он получает корону при своей коронации, но, по сути, короне «дается» очередной правитель, который становится ее «обладателем». Отсюда проистекает, что король является лишь временным носителем вневременного «королевского достоинства», которое воспринимается как «должность» в значении, близком к римской магистратуре, и «служба», подразумевающая наличие и исполнение королем определенных обязанностей. Что касается самой короны, то она выступает не только олицетворением власти каждого конкретного монарха, но также в силу причастности к ней всех бывших и будущих правителей государства, олицетворением непрерывности и преемственности королевской власти. Так в творчестве французских пропагандистов первой половины XV в. находит отражение принципиально новое отношение общества к короне и престолу.

Поскольку корона Франции не является личной собственностью государя, право дофина, по утверждению Жана Жювенеля, не может быть отнято у него без его же согласия. Более того, замечает Дез Юрсен, сам дофин мог бы «законно» согласиться на подобное отчуждение, но «только в отношении своей собственной персоны, поскольку причинять вред другим лицам королевской крови он не имел бы права»³². С ним солидарен автор “Réponse d’un bon et loyal François”: «Право короны Франции, – подчеркивает аноним, – не может и не должно передаваться... против его (дофина. – В. Б.) согласия, а также согласия тех, кто на законных основаниях имеет право и может претендовать на корону или быть заинтересован в ее

сохранении»³³. Им вторит создатель трактата «Истина все побеждает», который пишет, что король Франции не мог и не имел права одобрить этот договор «без обсуждения и согласия тех, кто заинтересован в настоящем деле, особенно без согласия дофина»³⁴.

Корона – это не частное владение конкретного монарха, в очередной раз подчеркивают полемисты, поэтому он не может распоряжаться ею, исходя из одного своего решения. Права короны, с точки зрения авторов, распространяются не только на короля, но также на дофина, его сына и наследника. Кроме них, что важно, к правам короны оказываются причастны и все «другие королевские родственники». Создатель трактата «Ответ доброго и истинного француза» прямо заявляет, что «честь лилий и короны Франции принадлежат не только королю, королеве, и их детям, но также всем членам французского королевского дома, настоящим и будущим, а именно племянникам, кузенам, племянницам и кузинам и вообще всем трем сословиям Французского королевства, согласно различным степеням и обязанностям»³⁵. Аналогичного мнения придерживается и автор памфлета “*Super omnia vincit veritas*”. Он говорит, что готовящийся договор с Англией непосредственно затрагивает «королевских кровных родственников, которые в будущем по праву могли бы рассчитывать на корону»³⁶. Жан Жювенель дез Юрсен, в свою очередь, пишет: «Если бы король и его дети, которых хранит Господь, скончались, какое преступление совершили бы монсеньоры Орлеанский и Ангулемский, если бы в случае необходимости не получили корону один за другим, а после них – представители Анжуйского дома? Ни ты (Англия. – В. Б.), ни другие не смогли бы назвать причину, по которой они должны были бы ее (короны. – В. Б.) лишиться»³⁷. Благодаря идее о причастности к короне всех поколений королевского рода и даже больше – всех сословий, т. е. жителей Французского королевства, в рассматриваемых сочинениях еще заметнее становится мысль о принципиальной невозможности для правящего монарха распоряжаться короной как своим частным наследством.

Таким образом, для отстаиваемой полемистами точки зрения характерно акцентирование внимания на публично-правовой природе королевской власти, основанной на праве и законе «для всех». Под действие этого закона подпадает в первую очередь сам король. Он не является безусловным владельцем и хозяином короны, поскольку корона – категория постоянная, существующая в неизменном виде и качестве, раз и навсегда установленная, в то время как правители с той или иной периодичностью чередуются и меняются. Каждый последующий монарх «получает доступ» все

к тому же вечному и несменяемому «королевскому достоинству», по отношению к которому он в силу указанного положения одного из многих выступает лишь временным держателем и хранителем. Следовательно, король не вправе распоряжаться короной как ему вздумается, руководствуясь только собственной волей, но, наоборот, он ограничен в своих поступках идеей короны и ответственен перед ней. Мысль об ответственности каждого монарха перед своей «службой» должна была, в глазах полемистов, действовать в первую очередь применительно к законам престолонаследия. Кроме того, эти идеи в творчестве французских пропагандистов были напрямую связаны с представлениями о неотчуждаемости короны и неотчуждаемости, т. е. незаконности отторжения, домена, под которым подразумевалось все Французское королевство³⁸. Неслучайно Жан Жувеналь дез Юрсен пишет, что «король не может отчуждать часть своего королевства или наследства... он ясно клянется в этом при своем миропомазании, что не будет ничего отчуждать от своего наследства; по этому поводу существуют королевские ордонансы, охраняемые и соблюдаемые с таких давних времен, что никто уже не помнит обратного. И таким образом утверждать, что король Карл мог передать названное королевство упомянутому Генриху и лишиться наследства Карла, своего сына, есть не что иное, как насмешка и издевательство»³⁹. Ведь у короля в своем королевстве меньше прав, чем у простого жителя, который может отчуждать свое имущество, король же нет⁴⁰.

Убежденность авторов в том, что монарх не может распоряжаться короной как своим личным имуществом, используется во французской пропагандистской литературе первой половины XV столетия в качестве эффективного довода против английских династических требований, оформленных договором в Труа. Соглашение Карла VI с пунктами предложенного ему и подписанного им соглашения было в глазах полемистов незаконным прежде всего в силу болезни короля, утратившего рассудок, и его положения пленника, при котором он не обладал свободной волей и потому не мог делать никаких уступок своему противнику. С точки зрения права, римского и обычного, условия этого мира также считались недействительными. Однако главное, почему договор в Труа представляется авторам пропагандистских трактатов и памфлетов нелегитимным, заключается в том, что он противоречит самой идее французской короны, которая не является частной собственностью конкретного правителя, но воспринимается в качестве общественного института. Помимо короля и его прямого наследника, дофина, к короне причастны также все, настоящие и будущие, поколения

королевской семьи, которые могли бы на нее претендовать, но права которых, как и право самого дофина, вследствие этого соглашения оказываются ущемлены. «Честь лилий» и права французской короны, согласно аргументации полемистов, не принадлежат одному лишь монарху, но касаются «всех верных и истинных подданных этой короны», которые обязаны ее поддерживать, охранять и следить за тем, чтобы в отношении короны не совершалось действие, могущее нанести ей вред, т. е. быть в какой-то степени даже поручителями того, чтобы корона досталась истинному наследнику. Все это свидетельствует о том, что договор в Труа является незаконным соглашением, поскольку он действует к ущербу слишком большого количества людей, к тому же в интересах англичан, то есть иностранцев, которые одновременно являются «древними и смертельными врагами» Французского королевства. Единственным законным преемником и регентом королевства «по праву и разуму» для рассматриваемых нами авторов является несправедливо лишенный своего наследства дофин Карл.

Примечания

- ¹ *Cosneau E.* Les grands traités de la guerre de Cent Ans. Paris, 1889. P. 100–120.
- ² *Steel A.* The financial Background of the War of the Roses // *History*. 1955. Vol. 40. P. 18–30; *Allmand Ch.* Henry V. L.: The Historical Association, 1968; *Idem.* The Hundred Years War: England and France at War, 1300–1450. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988; *Armstrong C.-A.* England, France and Burgundy in the XVth century. L.: Hambledon Press, 1983 и др.
- ³ *Jouet R.* La résistance à l'occupation anglaise en Basse-Normandie (1418–1450). Caen: Annales de Normandie, 1969; *Bourassin E.* La France anglaise, 1415–1453: Chronique d'une occupation. P.: Tallandier, 1981; *Contamine Ph.* "La France Anglaise" au XV siècle: mythe ou réalité? // La "France anglaise" au Moyen Age. Actes du 111e Congrès nat. des sociétés savants (Poitiers, 1986). T. 1. P.: CTHS, 1988. P. 17–29; *Histoire militaire de la France: Des origins à 1715 / Sous la direction de Ph. Contamine.* P.: PUF, 1992; *Басовская Н.И.* Освободительное движение во Франции в период Столетней войны // Вопросы истории. № 1. М., 1987. С. 48–66; *Она же.* Столетняя война и рост социально-политической активности городского сословия // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987. С. 220–238; *Она же.* Освободительное движение во Франции и формирование национального самосознания (вторая половина XIV – первая половина XV в.) // Из истории социальных конфликтов и народных движений в средневековой Европе. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 47–57; *Она же.* Столетняя война:

леопард против лилии. М.: АСТ, 2003; *Цатурова С.К.* Офицеры власти: Парижский парламент в первой трети XV века. М.: Логос, 2002; и др.

- ⁴ Débats et appointements // “L’Honneur de la couronne de France”. Quatre libelles contre les Anglais (1418–1429) / Ed. by N. Pons. P., 1990. P. 32–88 (далее – Débats et appointements).
- ⁵ Fluxo biennali spacio // “L’Honneur de la couronne de France”... P. 173–201 (далее – Fluxo biennali spacio).
- ⁶ Réponse d’un bon et loyal François au peuple de France de tous estats // “L’Honneur de la couronne de France”... P. 122–137 (далее – Réponse d’un bon et loyal François).
- ⁷ Super omnia vincit veritas // “L’Honneur de la couronne de France”... P. 113–121 (далее – Super omnia vincit veritas).
- ⁸ *Juvénel des Ursins J.* Audite celi // Juvénel des Ursins, J. Ecrits politiques / Ed. by P.S. Lewis. T. 1. P.: Klincksieck, 1978. P. 145–278 (далее – Audite celi).
- ⁹ *Juvénel des Ursins J.* Traictié compendieux de la querelle de France contre les Anglois // Juvénel des Ursins, J. Ecrits politiques / Ed. by P.S. Lewis. T. 2. P.: Klincksieck, 1985. P. 13–177 (далее – Traictié compendieux).
- ¹⁰ *Montreuil J., de.* A toute la chevalerie // Montreuil J., de. Opera. Vol. 2: L’oeuvres historiques et polemiques. P., 1963. P. 89–149 (далее – A toute la chevalerie).
- ¹¹ *Montreuil J., de.* Traicté contre les Anglais // Montreuil J., de. Opera. Vol. 2: L’oeuvres historiques et polemiques. P., 1963. P. 159–236 (далее – Traicté contre les Anglais).
- ¹² *Chartie A.* Le Quadrilogue invectif. P., 1923 (далее – Quadrilogue invective).
- ¹³ Audite celi. P. 184.
- ¹⁴ Réponse d’un bon et loyal François. P. 123, 127–128; Super omnia vincit veritas. P. 119; Audite celi. P. 185; Traictié compendieux. P. 59–60.
- ¹⁵ Repons d’un bon et loyal François. P. 122, 129, 132; Super Omnia vincit veritas. P. 115, 117.
- ¹⁶ Дофин Карл лишился всех прав на французский престол за соучастие в убийстве герцога Бургундии Жана Бесстрашного (см.: *Bonenfant P.* Du meurtre au Montereau au traité de Troyes. Bruxelles, 1958. P. 128–135). Патентными письмами от 23 декабря 1420 г. Карл VI объявил организаторов этого убийства недостойными всякого наследования (Audite celi. P. 189. п. 3). Король запретил своим подданным называть дофина «принцем или сеньором каких-либо земель, поскольку из-за того, что он так очевидно нарушил свою клятву и слово принца, он сам лишился упомянутой чести» (*Guenée B.* Un meurtre, une société. L’assassinat du duc d’Orléans 23 novembre 1407. P.: Gallimard, 1992. P. 284).
- ¹⁷ Ibid. P. 128.
- ¹⁸ Super omnia vincit veritas. P. 114.
- ¹⁹ Audite celi. P. 187, 56.
- ²⁰ Audite celi. P. 187; Traictié compendieux. P. 56.
- ²¹ Super omnia vincit veritas. P. 120.
- ²² Débats et appointements. P. 60.
- ²³ Audite celi. P.186; Traictié compendieux. P. 55.

- ²⁴ Audite celi. P. 156–157.
- ²⁵ Repons d'un bon et loyal François. P. 124.
- ²⁶ Super omnia vincit veritas. P. 114.
- ²⁷ Repons d'un bon et loyal François. P. 124.
- ²⁸ Ibid. P. 123, 131.
- ²⁹ Super Omnia vincit veritas. P. 120.
- ³⁰ Audite celi. P. 186; Traictié compendieux. P. 55.
- ³¹ Audite celi. P. 187; Traictié compendieux. P. 57.
- ³² Audite celi. P. 187, 188–189; Traictié compendieux. P. 56.
- ³³ Réponse d'un bon et loyal François. P. 131.
- ³⁴ Super omnia vincit veritas. P. 118.
- ³⁵ Réponse d'un bon et loyal François. P. 131.
- ³⁶ Super omnia vincit veritas. P. 118.
- ³⁷ Audite celi. P. 192.
- ³⁸ Подобные взгляды были характерны в это время для ведущих государственных институтов страны. В частности, поборниками сильной королевской власти, отстаивающими принцип целостности территорий королевства и невозможности отчуждения короны и ее прав на том основании, что король является лишь исполняющим свои обязанности, выступали члены Парижского парламента (см.: *Bossuat A.* L'idée de la nation et la jurisprudence du Parlement de Paris au XV siècle // *Revue historique*, 1950. Т. 204. P. 54–61; *Idem.* Le Parlement de Paris pendant l'occupation anglaise // *Revue historique*, 1963. Т. 229. P. 19–41; *Autrاند F.* Naissance d'un grand corps de l'Etat: Les gens du Parlement de Paris, 1345–1454. P.: Publications de la Sorbonne, 1981; *Цатурова С.К.* Указ. соч.).
- ³⁹ Audite celi. P. 187–188; Traictié compendieux. P. 57.
- ⁴⁰ *Pons N.* La propagande de guerre française avant l'apparition de Jeanne d'Arc // *Journal des Savants*, 1982. Vol. 2. P. 191–214.